

Глава 5. Вы что, в туалете лижетесь, даже маски не сняв?..

Фан Юншэнь на мгновение замер, решив, что ослышался.

— Что ты сказал? Потерял контроль? Ты?

Перед ним был Гу Цинсю. Тот самый человек, который после совершеннолетия — если не считать работы — никогда не позволял своей ауре просачиваться наружу в общественных местах. Образец самообладания, он просто не мог заявить, что потерял контроль.

— Кто угодно, только не ты. Если бы ты действительно сорвался, разве мог бы сейчас так спокойно со мной разговаривать? Хватит шутить.

Фан Юншэнь было трудно винить в скептицизме: все знали, как выглядит альфа в состоянии аффекта. Собеседник же в телефоне звучал предельно хладнокровно, ничуть не напоминая человека, утратившего власть над собой.

Гу Цинсю не ответил. В трубке повисла тишина, нарушаемая лишь его тяжелым, глубоким дыханием.

Постепенно режиссеру стало не по себе. Друг не принадлежал к числу тех, кто бросается подобными словами, и уж точно не стал бы так шутить. Неужели всё серьезно?

— Эй, ты там как? Мне приехать? Не пугай меня, ты же альфа уровня ЗА! Если такой, как ты, пойдет вразнос, мало никому не покажется. Рядом кто-нибудь есть? Что вообще произошло?

Гу Цинсю прервал его поток вопросов:

— Я встретил одного альфу.

— И? Что дальше?

— Его феромоны... — мужчина, казалось, погрузился в раздумья и замолчал.

Фан Юншэнь уже собирался броситься вниз на поиски, когда тот наконец продолжил:

— Ничего. Я вовремя взял себя в руки. Тебе не нужно приходить, я скоро буду.

— Ладно-ладно, переведи дух. Если почувствуешь, что накрывает — сразу звони. Я быстро закончу здесь дела и найду тебя.

Теперь режиссер не сомневался: что-то действительно случилось. Однако он не стал навязываться с расспросами. Раз Гу Цинсю сказал, что всё в порядке, значит, ситуация не критическая — Фан привык доверять его способности к самоконтролю.

— Не спеши, я в норме. Занимайся своими делами.

— Хорошо, тогда до встречи.

***

На парковке Гу Цинсю, уже уладивший инцидент с пьяницами, стоял, прислонившись к своей машине. Опустив голову, он напоминал застывшее изваяние, почти сливающееся с окружающим пространством.

Спустя долгое время он снял очки и устало потер переносицу. В глазах, скрытых до этого линзами, отражалось смятение — смесь подавляемого возбуждения и глубокого недоумения.

Фан Юншэнь тем временем поспешно вытер руки и направился к залу.

Он прибыл в «Янтарь» заранее, успел поболтать с Вэнь Чжу и его компанией, а теперь пришло время официальной встречи. Честно говоря, его мнение об Инь Чжоу оставалось крайне невысоким. Если бы не личная просьба Вэнь Чжу, он бы в жизни не пригласил этого парня в свой проект.

Режиссер видел его раньше и, откровенно говоря, находил, что в Инь Чжоу меньше жизни и оптимизма, чем в его герое, умирающем от неизлечимой болезни. Говорят, что нужно разделять личность и роль, но актерские работы юноши до этого были воплощением скованности и фальши. Доверия он не внушал.

Распахнув дверь кабинета, Фан Юншэнь замер.

Инь Чжоу уже был там. Он сидел у барной стойки, вполоборота к вошедшему. На нем было лимонно-желтое худи с милым мультяшным принтом, светло-коричневые чиносы и белые кеды. Инь Чжоу помнил слова Вэнь Чжу о персонаже — «солнечном лучике», не теряющем надежды в безнадежной ситуации, — и специально подобрал образ. Впрочем, его обычный имидж строился на чем-то подобном.

Фан Юншэнь не спешил обнаруживать себя, медленно закрыл дверь и принялся наблюдать за актером.

С точки зрения эстетики придраться было не к чему. Профиль Инь Чжоу казался безупречным: четкие линии, идеальные черты, невероятно длинные и загнутые ресницы. В индустрии, переполненной красавцами, он всё равно умудрялся стоять особняком. Не зря антифанаты

никогда не называли его некрасивым — скорее уж упрекали в том, что его внешность слишком изящна для альфы и больше подошла бы омеге.

Инь Чжоу не сразу заметил появление режиссера. Опираясь руками на соседний стул, он вытянул одну ногу, а другую расслабленно согнул — из-за высокого роста ему было тесновато.

Его лицо было холодным. Актер явно пребывал не в лучшем расположении духа: глаза слегка сузились, а губы были плотно сжаты в жесткую, тонкую линию.

Фан Юншэнь впервые видел его таким. Оказалось, что в моменты отстраненности Инь Чжоу обладает пугающе мощной аурой. Всё пространство комнаты словно попало под его негласный контроль. Это разительно отличалось от того образа, который он создавал на публике, и выглядело куда более притягательно.

Даже режиссер, никогда не воспринимавший его как серьезного альфу, невольно затаил дыхание, боясь потревожить размышления этого юноши.

«Это оно!»

Взгляд Фан Юншэня загорелся. Образ Инь Чжоу, погруженного в свои мысли, внезапно идеально совпал с тем персонажем, которого он так долго искал.

Актер почувствовал чужое присутствие. Его лицо мгновенно преобразилось: холод исчез, уступив место приветливой улыбке. Он поднялся и пошел навстречу гостю.

— Здравствуйте, режиссер Фан. Я Инь Чжоу, друг Вэнь Чжу. Простите за опоздание.

Фан Юншэнь, не отрывая взгляда от его лица, пожал протянутую руку.

— Всё в порядке, я и так был здесь. Скажи... о чем ты только что думал?

— О паре встреченных перед приходом пьяниц. Простите, что вам пришлось увидеть меня в таком виде, я вовсе не хотел проявить неуважение, — искренне ответил Инь Чжоу, понимая, что его застали не в лучшем настроении.

— Напротив, мне очень понравилось, — с воодушевлением воскликнул Фан Юншэнь.

Инь Чжоу озадаченно моргнул.

— Ох, я не в том смысле. Присаживайся, давай поговорим.

На самом деле он думал о том альфе в черном. Из-за столкновения с феромонами топового уровня Инь Чжоу всё еще не мог полностью успокоиться, вот и не уследил за выражением лица. Оплешность. Будь на месте режиссера кто-то другой, он мог бы решить, что актер капризничает, но, к счастью, Фан Юншэнь воспринял это иначе.

Они устроились на диванах. Собеседник продолжал изучать актера. Сейчас Инь Чжоу вел себя безусловно — вежливый, улыбчивый, знающий меру.

«Если такое лицо появится в моем фильме... Если он сможет так сыграть...»

Фан Юншэнь решительно отбросил старые предубеждения.

— Давай обсудим сценарий. Ты ведь еще не видел полной версии?

— Верно.

Фан Юншэнь начал рассказывать о сюжете и героях. Короткометражка называлась «Свет на горизонте». В центре истории — два альфы. Первый — доктор Су Цин, второй — его пациент Цзян Ян.

Сюжет был прост: история взаимоотношений врача и пациента, который оказал на него глубокое влияние, — от поступления в больницу до самой смерти. Цзян Ян — студент. Совсем молодым он узнает о неизлечимом недуге. Считая дни в палате, он остается неиссякаемым источником тепла и света, до последнего вздоха стремясь к своему «солнцу». Этим солнцем для него становится Су Цин. Цзян Ян влюбляется в своего врача — альфа в альфу.

Су Цин же — талантливый врач, внешне холодный и отстраненный, но глубоко подавленный внутри. Чем больше он лечит людей, тем острее чувствует бессилие. Он — пессимист, не способный смириться с тем, что медицина спасает не всех.

Характеры героев строятся на контрасте, а сам фильм — это история о взаимном исцелении.

Изначально Инь Чжоу претендовал на роль Цзян Яна — она идеально подходила под его привычное амплуа. Однако Фан Юншэнь, едва взглянув на него сегодня, увидел в нем Су Цина.

Тот Инь Чжоу, который сидел в тишине и одиночестве, излучая холод и скрытую ярость, был живым воплощением доктора. Су Цин часто засиживался допоздна, изучая историю болезни, и, осознав тщетность усилий, впадал в подобное состояние. Тот, кого он ненавидел больше всего, был он сам.

Роль не была запредельно сложной, она требовала лишь умения показать внутренний надлом за внешней маской ледяного спокойствия. Идеально для небольшого короткометражного фильма.

Фан Юншэнь не считал себя великим мэтром, он просто снял несколько работ, и темы выбирал нишевые. Например, любовь двух альф. Он не мог нанять звезд первой величины, но и халтурить не хотел — метил на фестивали. Поэтому и перебирал претендентов одного за другим, не находя нужного. Время поджимало, он уже готов был искать среди новичков.

И тут он встретил нынешнего Инь Чжоу. Честно говоря, внешность актера даже превосходила требования сценария — для такой истории это был почти избыточный ресурс.

Они углубились в обсуждение.

— Как ты считаешь, чувства Цзян Яна к Су Цину — это любовь? — спросил режиссер.

— Да, — не раздумывая ответил Инь Чжоу. — Это тот единственный свет, который он пытается удержать в последние мгновения жизни. Я думаю, это чувство даже выше любви.

Глаза Фан Юншэня заблестели.

— Ты не думаешь, что это просто благодарность? Или иллюзия?

Инь Чжоу тонко улыбнулся:

— Благодарность там есть, несомненно. Но дело не только в ней. Когда человек знает, что его время истекает, и у него есть возможность прочувствовать каждое мгновение... Обычные секунды становятся бесценными. Весь мир сжимается до размеров одной личности. Поэтому Су Цин для него — это и есть весь мир.

Фан Юншэнь на мгновение лишился дара речи.

— Твое видение... оно очень глубокое.

Инь Чжоу лишь промолчал. Он знал это чувство не понаслышке.

— А что насчет Су Цина? — нетерпеливо спросил режиссер.

Актер задумался, глядя в текст. Фан Юншэнь не торопил его.

— Су Цин... он полон противоречий. С одной стороны, он отгораживается от пациентов холодом, чтобы не сгореть самому. С другой — именно из-за того, что ему не всё равно, он так глубоко погружается в историю Цзян Яна. Он никогда не видел таких людей. Цзян Ян пылает жаждой жизни, и этот огонь в итоге зажигает и самого доктора. Поэтому он соглашается на свидание. И я думаю...

— Что ты думаешь? — Фан Юншэнь слушал предельно внимательно.

— Я думаю, что внутри Су Цин почти сломлен. Долгое подавление чувств натянуло его нервы до предела. Поэтому его финал — этот эмоциональный взрыв — вызывает у зрителя такую гамму чувств: радость за него и в то же время нестерпимую горечь.

— ... — Фан Юншэнь молча смотрел на него.

— Что-то не так? Я неправильно понял персонажа?

— Нет-нет, что ты. Ты сказал это так точно, что мне захотелось снять полнометражный фильм, чтобы по-настоящему раскрыть этих двоих, — полушутя ответил режиссер.

Инь Чжоу усмехнулся:

— Вы шутите, режиссер Фан.

— Эх, мечты-мечты. Я же не Гу Цинсю, у меня еще нет таких возможностей. Но всему свое время.

Инь Чжоу заинтересованно поднял бровь:

— Вы знакомы с Гу Цинсю?

— Да, мы довольно близки, — он не стал вдаваться в подробности, и актер не стал расспрашивать.

— У тебя отличная эмпатия. Почему же раньше...

Инь Чжоу расслабленно откинулся на спинку дивана, его поза была открытой, а взгляд — прямым.

— Был молод и глуп. Но знаете, после того как однажды заглянешь в лицо смерти, взгляды на жизнь неизбежно меняются.

Он выразился туманно, но режиссер счел это объяснение вполне исчерпывающим.

— Послушай, изначально я предлагал тебе роль Цзян Яна. Что думаешь? Потянешь?

— Уверен, что справлюсь. Если вы доверите мне эту роль, я не подведу, — твердо ответил Инь

Чжоу. В прошлой жизни он сыграл десятки ролей, и хоть не получал главных призов, многочисленные номинации доказывали его профессионализм. Ему просто не хватало удачи.

Фан Юншэнь на мгновение задумался. На самом деле во время обсуждения он уже устроил актеру негласное прослушивание, наблюдая, как тот вживается в образы прямо по ходу чтения. Фан не комментировал процесс, но был потрясен: Инь Чжоу переключался между состояниями мгновенно и естественно. Он вел себя как опытный мастер, от старой «деревянной» игры не осталось и следа.

Он был более чем доволен. Эта короткая беседа полностью перевернула его представление.

— Понимаешь, твое лицо... оно слишком красивое. Если ты сыграешь Цзян Яна, мало кто из партнеров сможет тебя «перевесить». Поэтому я хочу предложить тебе главную роль — Су Цина. Справишься?

Инь Чжоу был удивлен, но лишь на миг. Опустив взгляд на сценарий, он снова посмотрел на режиссера с уверенной улыбкой:

— Безусловно. Я справлюсь и с удовольствием приму это предложение.

Они обменялись контактами. Фан Юншэнь утвердил его на роль, пообещав в кратчайшие сроки подписать контракт с менеджером. Он был искренне рад, что не отмахнулся от просьбы Вэнь Чжу.

В этот момент в комнату вошел Вэнь Чжу с напитками и закусками — его появление было как нельзя более своевременным. На самом деле он заглядывал раньше, но увидев, как увлеченно они беседуют, тихо удалился, не желая мешать.

Только тогда Фан Юншэнь вспомнил о важном деле.

Гу Цинсю...

Он немедленно набрал номер. Трубку сняли почти сразу.

— Договорились? — раздался в трубке утвердительный голос.

— Ага, утвердил! Прости, что заставил ждать. Кстати, ты... ты там как? — Фан Юншэнь покосился на Инь Чжоу, стараясь говорить туманно.

— В порядке. Нужно, чтобы я взглянул на него?

— Да-да, конечно! Всё равно вам скоро работать вместе. Ты ведь мой внештатный консультант.

Когда он повесил трубку, Инь Чжоу любопытствовал:

— Консультант?

Они уже успели немного сблизиться, и Фан Юншэнь заговорщицки подмигнул:

— Ты будешь в шоке. Возможно, это даже твой кумир.

Инь Чжоу лишь вежливо улыбнулся. В этом мире у него не было кумиров.

Он извинился и вышел в уборную. Раздражение от встречи с таинственным альфой на парковке окончательно улетучилось. Это была его первая роль после переноса. Тот проект с омегой еще висел в воздухе, а съемки короткометражки начнутся совсем скоро.

«Свет на горизонте» — лишь малая форма, но в нынешнем положении актеру грех было привередничать. Несмотря на идеальное лицо, его репутация была в руинах. Менеджер Ся Лян могла предложить ему только участие в шоу, но там его образ лишь сильнее портился.

Ему нужно было зацепиться за любую возможность. Любая роль была шансом.

Выйдя из кабинки, Инь Чжоу краем глаза заметил фигуру у зеркал и поспешно натянул маску. Кепку он надевать не стал.

Подойдя ближе, он замер: перед зеркалом стоял тот самый незнакомец в черном. Маска, кепка и очки теперь служили опознавательными знаками.

В тот же миг их взгляды встретились в отражении. Оба на секунду оцепенели. Актер усмехнулся про себя:

«Надо же, какая судьба. Только вспомнил — и вот он».

Он подошел к раковине и, открыв кран, посмотрел на мужчину сквозь зеркало.

— Опять мы встретились, приятель.

Даже когда были видны только глаза, Инь Чжоу умудрялся вкладывать в свой взгляд столько дерзости, что это вызывало не столько неприязнь, сколько острое желание поставить его на место.

Человек в черном замялся, но не удержался от ответной колкости:

— Приятель?

Инь Чжоу вздернул бровь:

— А ты что, в братья набиваешься? Поздно. Когда я увидел тебя в первый раз, я был не прочь познакомиться поближе, но ты сам всё испортил.

— ...

Мужчина не хотел вступать в спор. Интуиция подсказывала ему: рядом с этим человеком события всегда выходят из-под контроля. А потерю контроля он ненавидел больше всего на свете. Вытерев руки, он направился к выходу.

Но Инь Чжоу не собирался так просто его отпускать. Раз уж судьба столкнула их снова, грех было не воспользоваться моментом. Бросив салфетку в корзину, он быстрым движением преградил путь незнакомцу и прижал его к стене.

Глаза того мгновенно обледенели, но он быстро взял себя в руки. В этот момент в уборную зашел какой-то парень. Увидев их позу, он присвистнул, но, наткнувшись на ледяной взор человека в черном, вздрогнул и поспешно скрылся в кабинке.

Альфа в черном поправил козырек и глухо бросил:

— Говори.

— А ты лаконичен, — это Инь Чжоу даже понравилось. Он понизил голос: — Понимаешь, у меня скверный характер, я злопамятен. Из-за тебя я едва не упустил отличную работу, так что теперь ты мне должен компенсацию.

Звучало это так, будто он пытается провернуть какую-то аферу. Собеседник, вспомнив недавнюю стычку феромонов, ответил:

— Хорошо. Это действительно была моя вина. Сколько ты хочешь?

— Пф, я не о деньгах. Я не вымогатель.

— ...

— Просто исполни одну мою просьбу.

Альфа нахмурился:

— Какую?

— Дай подумать... Я еще не решил.

Инь Чжоу внезапно замолчал, а потом прибавил:

— Знаешь, а голос у тебя приятный. Где-то я его уже слышал...

— Показалось.

— А, придумал! — Актер вдруг принялся и поднес свое запястье к носу. — Я тут вспомнил: я ведь так и не почувствовал твой настоящий запах. Почему?

Тот промолчал.

— Выпусти немного феромонов. Совсем чуть-чуть. Сделаешь больше — получишь в глаз. Это и будет моей компенсацией.

Мужчина медленно прищурился, глядя на него. Инь Чжоу же, словно не замечая опасности, весело смотрел ему в глаза. Если бы они были разного пола, это выглядело бы как откровенное заигрывание. Но между двумя альфами... Это могло быть чем угодно.

— Вы что, оба альфы? — раздался испуганный голос за их спинами. Это был тот самый парень, вышедший из кабинки.

Он ошарашенно переводил взгляд с одного на другого. Оба рослые, атлетичные — определенно альфы. Даже тот, что пониже, излучал такую уверенность, что сомнений быть не могло.

— Красавчики, дам вам совет, — многозначительно произнес парень. — У АА-любви нет будущего. Seriously. И не спрашивайте, откуда я это знаю.

С этими словами он картинно удалился. Оба мужчины замерли в неловком молчании. Инь Чжоу, хоть и не обращал внимания на чужие слова, всё же помнил, что перед ним совершенно незнакомый человек. Им двигал лишь азарт и любопытство, свойственные альфе, желание немного подразнить встречного, но становиться героем подобных слухов он вовсе не желал.

Он коротко усмехнулся и уже собирался убрать руку. Но в этот момент дверь снова распахнулась. Тихая обычно уборная сегодня напоминала проходной двор.

Не успел актер отступить, как новый вошедший зычно прокомментировал:

— Вау, парни! Вы что, в туалете лижетесь, даже маски не сняв?

Инь Чжоу:

— ...

«Неужели это карма?»

<http://bllate.org/book/15873/1436580>